

DOI: 0.31168/2619-0869.2021.3.10

Роль города в романах Д. Годровой и И. Кратохвила

Светлана Анатольевна Кожина,

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: lana-0391@mail.ru

Ключевые слова: современная чешская литература, топос города, чешский постмодернизм, Д. Годрова, И. Кратохвил

The Role of the City in D. Hodrová's and J. Kratochvíl's Novels

Svetlana A. Kozhina,

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: lana-0391@mail.ru

Keywords: contemporary Czech literature, city topos, Czech post-modernism, D. Hodrová, J. Kratochvíl

Ключевым при характеристике пространства в художественном произведении является вопрос, при помощи каких символов, моделей и приемов оно воссоздается. В работе Ю.М. Лотмана «Структура художественного текста» в качестве основного аспекта анализа рассматривается проблема определения рамки — границы отображаемого объекта. Изображение на ограниченном материале (текст) неограниченного понятия (универсум) возможно при помощи мифологизации, создания универсальной модели чистых сущностей, оживляемых при помощи фабулы — движения, направленного на выведение «замершего» текста из стагнации¹.

Вторым важным вопросом становится соотношение пространства и языковой структуры в целом. Такие понятия как «высокий — низкий», «правый — левый», «близкий — далекий» и др. характерны для отображения пространственных характеристик в целом². Рассмотрение пространственных

внутритекстовых отношений с подобной перспективы согласуется с архетипическими представлениями человечества об устройстве мира и, следовательно, тривиально и при анализе мифопоэтики произведений. Подобные бинарные противопоставления встречаются и в иных работах Лотмана, а также других исследователей в области семиологии знаковых систем художественных текстов (например, Д. Годровой). Языковые символы с архетипической семантикой, подвергаясь трансформации на протяжении развития литературного процесса, обретают иные историко-социальные смыслы, дополняя новую модель мирового устройства.

В исследованиях структуралистов город в художественном произведении рассматривается как отдельная коммуникативная система: «Город — это дискурс, и этот дискурс на самом деле язык: город говорит со своими жителями, мы говорим о нашем городе, городе, в котором находимся, тем, что живем в нем, что передвигаемся по нему, видим его»³. Таким образом формируется многослойная гетерогенная знаково-символьная структура города-текста как компиляции множества текстов, иллюстрирует разного рода отношения (онтологические, социальные и др.).

В романах Годровой изображение города становится основным композиционным приемом. В произведениях 1990-х гг.: «Под двумя видами» (1991), «Тета» (1992), «Куколки» (1991) — центральным принципом является передвижение персонажей по Праге. Прохождение через определенные локусы оживляет ряд ассоциаций и воспоминаний, «воскрешает» его символику в памяти живущих: «Перед ней открывается площадь с псевдоготическим храмом. Когда-то в нем проходила свадьба родителей Элишки Беранковой [...] И вот здесь Рассеяна вспомнит (или это только предчувствие?), что под театром лежит засыпанная статуя, отдыхает на боку, только тело без рук и ног, голова откатилась недалеко от тела [...] Потом ее поднимали (будут поднимать) из ямы, в которой будет стоять театр, она сломалась (сломается) в половине, превращенная окончательно в груды обломков, опустится во чрево Виноградского, бывшего Городского театра на

Краловских Виноградах»⁴. В данной цитате мы наблюдаем две доминанты текстов Годровой 1990-х гг. Во-первых, локусы города характеризуются писательницей как носители исторической памяти (личной и коллективной). Во-вторых, персонажи, передвигаясь между ними, актуализируют ряд аллюзий и ассоциаций. Прага Годровой выступает не только как текст, но и как палимпсест: город-наслоение текстов, что соотносится с тезисом о дискурсивной природе топоса города.

Романы Годровой более позднего периода: «Воззвание» (2010), «Спиральные предложения» (2015) и «Эта близость» (2019) — характеризуются углублением диахронного подхода, усилением акцента на архетипической природе локусов. Предположительно по этой причине их количество сокращается, но усложняется семантика. Так, например, центральные точки описываемых событий — район Жижков с Ольшанским кладбищем и Площадью Иржи из Подебрад, где проживает Даниэла, — выступают в значении «своего» пространства: здесь героиня вырастает, здесь переживает основные события личной жизни. Ольшанское кладбище представляет собой точку контакта с «чужим» пространством — миром мертвых. Больница на Буловце — «чужое» пространство с семантикой болезни и смерти. Данные локусы дополняются мифологическими бинарными оппозициями, такими как «верх» — «низ», «запад» — «восток»: «Только потом мне пришлось в голову умереть там, где под окном стоял диван, на котором мама спала в последние годы, в ольшанской квартире на нем потом спала я, а до меня брат, но мама на нем не лежала [...] она легла на диван головой на запад, к стороне света, на которой, согласно “Письмам жизни” Вайнреба, стоит Рафаэль, имя которого значит “Бог исцеляет”, но это и сторона света, на которой расположена страна смерти, ад...»⁵ Мифопоэтика поздних текстов Годровой усложняется, сводя представленный гетерокосм городского пространства к набору архетипических символов, что расширяет онтологическую проблематику текста. Происходит, таким образом, углубление городского дискурса — диахронное изображение символов города-текста Праги.

Образ города в романах Кратохвила также претерпел эволюцию. Ключевой топос — Брно, однако его роль в текстах иная. Так, в «Медвежьем романе» (1990) город выступает как универсалия — обобщенное изображение любого городского пространства в тоталитарном обществе: небоскребы, ужасающе огромные дворцы административных зданий, между которыми протекает грязная Река. Реальный Брно становится основой для создания его мифологического отображения, фоном для развертывания онтологических вопросов о природе человечности. Однако примечательна роль и отдельных архитектурных памятников, а именно своего рода «архитектурный параллелизм»: характеристика персонажей неразрывно связана с историей и внешним видом зданий, в то время как здания наделяются качествами живых объектов (олицетворение): «...этот дом как человеческая душа: есть то, что сразу бросается в глаза, и то, что скрыто в глубине и запечатано за шлюзами; у него есть свои Ид и Суперэго [...] и я повторюсь: если бы я писал [этот. — С.К.] роман в другом доме, это была бы совсем не та история, которую я задумывал: я приспособлял композицию всем этим навалившимся, просматриваемым и вывернутым помещениям»⁶.

Подобный «архитектурный параллелизм» мы наблюдаем и в романе «Обещание» (2009). В главном герое, архитекторе Мондрачеке, лишившемся возможности в полной мере реализовать свой талант и столкнувшимся с несправедливостью тоталитарной системы, рождается желание заключить в тюрьму под собственной квартирой тех, кто может быть причастен к таинственной смерти его сестры. Спонтанная мысль Мондрачека, слившись с гением архитектора, превращается в ужасный эксперимент. По мере достраивания подземной тюрьмы мы наблюдаем, во-первых, трансформацию личности самого Мондрачека, постепенно сходящего с ума, и, во-вторых, «оживание» нового мира, превращение его в новый организм, создающий собственные законы организации жизни.

Таким образом, в произведениях Годровой и Кратохвила очевиден процесс мифологизации городского пространства,

его трансформация в универсум, служащий способом рассмотрения онтологических вопросов: понятия памяти, жизни и смерти (для Годровой), человечности, сходства жизни человека и жизни конкретного здания (Кратохвил). Топос города в романах писателей также в некоторой степени играет роль «готовой» композиционной структуры: при упоминании реальных памятников архитектуры, авторы актуализируют ряд культурных кодов, достигая тем самым углубления нарратива и активного включения читателя в процесс перцепции текста.

Примечания

¹ Лотман Ю.М. Структура художественного текста. СПб., 2015. С. 275–288.

² Там же. С. 275.

³ Barthes R. *Semiology and Urbanism // Architecture Culture: 1943-1968*, Columbia, 1993. S. 415.

⁴ Hodrova D. *Théta*. Praha, 1992. S. 67.

⁵ Hodrová D. *Točité věty*. Praha, 2015. S. 28

⁶ Kratochvil J. *Medvědí román*. Brno, 1990. S. 258–259.